

ные оппозиции, но строго подчинённых трактовке соотношений духовное – бездуховное, которые, в свою очередь, находят своё выражение в оценках героев с позиций нравственности.

Литература

1. Григорьев А. А. Сочинения: в 2 т. Т. 1. Стихотворения; Поэмы; Проза / вст. ст. Б. Егорова; сост. и коммент. Б. Егорова и А. Осповата. М., 1990.
2. Клопшток Ф. Г. Мессия. Поэма: в 4 ч. Ч. 3. [2-е изд.] / пер. с нем. [А. Кутузова]. М., 1820.
3. Фет А. А. Воспоминания / предисл. Д. Благого. сост. и прим. А. Тархова. М., 1983.
4. Фет А. А. Сочинения: в 2 т. Т. 1. Стихотворения; Поэмы; Переводы / подгот. текста, сост., коммент. А. Е. Тархова. М., 1982.
5. Фет А. А. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Проза / подгот. текста, сост., коммент. А. Е. Тархова. М., 1982.
6. Фет А. А. Сочинения и письма: в 20 т. Т. 4. Очерки: Из-за границы. Из деревни. – СПб., 2007.

УДК 821.161.1.09"18"

И. Ю. Лученецкая-Бурдина

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
lucciano55@yandex.ru

ДУХОВНЫЙ ОПЫТ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРАКТИКА Л. Н. ТОЛСТОГО 1880-Х – 1890-Х ГОДОВ

В статье рассматривается влияние духовно-нравственных исканий Л. Н. Толстого 1880–1890-х годов на поэтику и жанровую систему его произведений. На основе анализа писем, дневников Толстого, воспоминаний современников делается попытка реконструкции духовного опыта писателя, обусловившего смену его творческих установок. Исследование особенностей поэтики произведений Толстого этого периода позволяет рассмотреть индивидуальный стиль писателя с учётом деформации его жанровой системы, с одной стороны, и общекультурных процессов, происходящих в русской литературе, с другой. Проведённый анализ свидетельствует о концептуальном единстве творчества писателя 1880–1890-х годов с предшествующим периодом его литературной работы.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, этический максимализм, эстетический опыт, коммуникативные установки, оппозиция телесное – духовное, жанровый синтез, евангельский текст, реформирование религии, публицистический дискурс.

I. Yu. Luchenetskaya-Burdina

Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
lucciano55@yandex.ru

SPIRITUAL EXPERIENCE AND LITERARY PRACTICE OF LEO TOLSTOY IN 1880S–1890S

Influence of spiritual and moral searches of Leo Tolstoy in 1880s – 1890s on poetics and genre system of his works is considered in the article. The attempt of reconstruction of spiritual experience of the writer, which caused change of his creative installations, is based on the analysis of letters and diaries of Leo Tolstoy, on the memoirs of contemporaries. The research of features of poetics of the works by Leo Tolstoy of this period allows to consider individual style of the writer taking into account deformation of its genre system, on the one hand, and common cultural processes which took place in the Russian literature, on the other hand. The conducted analysis confirms conceptual unity of the writer's works in 1880s – 1890s with the previous period of his literary work.

Keywords: Leo Tolstoy, ethical maximalism, aesthetic experience, communicative attitudes, corporal v spiritual opposition, genre synthesis, gospel text, religion reforming, journalistic discourse.

Изучение особенностей мировоззренческой позиции Толстого было предметом многочисленных философских и историко-литературных исследований (7). При этом акцент, как правило, делается на мировоззренческих проблемах. Однако вопрос о взаимосвязи духовного опыта художника и его литературного творчества остаётся наименее прояснённым. Мы попытались выяснить, какие реальные жизненные факты оказали влияние на формирование толстовского взгляда на мир, а также рассмотреть характер отражения этической программы писателя в его творчестве.

В конце 1870-х гг. в трактате «Исповедь» (1879–1880, 1882) Толстой пишет: *«Жизнь моя остановилась. Я мог дышать, есть, пить, спать, и не мог не дышать, не есть, не пить, не спать; но жизни не было, потому что не было таких желаний, удовлетворение которых я находил бы разумным»* (6, т. 23, 11). Внутренняя и глубинная причина состояния одиночества заключалась в метафизичности воззрений Толстого. Сознание конечности человеческой жизни, физического Я, и бесконечности мира – вселенной – вот тот конфликт, который не находил разрешения в его сознании. Эта проблема выносилась Толстым в плоскость размышлений о жизни и смерти и носила глубоко личный характер. В записной книжке 2 июня 1878 года он пишет: *«Человек должен все телесные блага отбросить от себя и предоставить другим, а духовные блага приобретать только для одного себя»*. В отточенности и чёткости формулировок этой записи проявляются присущие писателю мышление оппозициями и этический максимализм. Заключает это рассуждение вывод, претендующий на универсальное значение: *«Il faudra mourir seul! С Богом нельзя иметь дело, вмешивая посредника и зрителя; только с глаза на глаз начинаются настоящие отношения, только когда никто другой не знает и не слышит, Бог слышит тебя»* (6, т. 48, 186–187).

Отрешение от материальной жизни и приобщение к духовной сущности мыслилось Толстым возможным вследствие духовной работы, причём момент «просветления» практически всегда оказывался связанным с приближением смерти или её угрозой. Толстой силой ума и нравственной воли мыслил победить смерть. О разрешении конфликта вечного и конечного – «ничто» и Я – рассказано им в «Исповеди», спасение от грядущего конца было обретено в утопии «Царства Божия внутри вас» (1890–1893). В эти годы Толстой пытается создать «своё православие» и улучшить христианство, переведя его в плоскость практической этики. Это был важный шаг на пути религиозного реформаторства и отступления от официальной церкви. Об этом «преображении» он поведал миру в «Исповеди», которую писал в 1878–1879 гг. Эта проблема рассмотрена нами в статье «Духовно-нравственный поиск Толстого и его художественное воплощение в трактате “Исповедь”» (8).

Для писателя 1880-е годы стали эпохой «разрывов и уходов». Сознание одиночества становится лейтмотивом переписки этих лет. В то же время это был период интенсивной, безжалостной требовательной внутренней работы. В письме С. А. Толстой 28 октября 1884 г. Л. Н. Толстой писал: *«Нынче я вспомнил, что мне 56 лет, и я слышал и замечал, что семилетний период – перемена в человеке. Главный переворот во мне был: $7 \times 7 = 49$, именно, когда я стал на тот путь, на к[отором] теперь стою. Семь лет эти были страшно полны внутренней жизнью, уяснением, задором и ломкой. Теперь, мне кажется, это прошло, это вошло в плоть и кровь, и я иду деятельности на этом пути. И или я умру, или буду очень несчастлив, или найду деятельность, кот[орая] поглотит меня всего на моем пути. Разумеется, писательская, – самая мне родственная и тянущая к себе»* (6, т. 83, 445). «Категорический императив» Толстого предопределил систему жизненных ценностей и нравственно-философское содержание творчества писателя в последующие годы, суть которого – «жить не для себя, а для души, по Божьи».

Перед Толстым встало две основные задачи: учить и спасаться. «Учить» означало проповедовать миру «новое знание», «спасаться» – жить по Божьи, как живут странники и юродивые, растворившись в безличном каратаевском рое. Ответ на главный, центральный вопрос практической этики писателя предполагал единение всего, достигаемое любовью. Основные постулаты «новой веры» заключались в утверждении идеи бессмертия как бессмертия духовного начала, а христианское воскресение рассматривалось как утверждение идеи любви. Летом 1889 года Толстой писал В. Г. Черткову: *«И я стал думать, чего мне нужно? Чего же мне нужно? Жить с Богом, по его воле, с Ним. Что для этого нужно? Нужно одно: соблюсти данный мне талант, мою душу, данную мне, не только соблюсти, но возрастить её»* (6,

т. 86, 247). Именно в этот период в мировоззрении Толстого совершается переход от крайнего отчаяния и неверия в целесообразность мира к твёрдой вере в созидательную силу любви.

Литературные опыты Толстого этих лет предварил религиозно-филологический труд «Соединение и перевод четырёх Евангелий» (1880–1881). К созданию «матерьялистического Евангелия» он приступил в начале 1880-х годов, замысел которого возник значительно раньше: «13/25 октября 1860 г. Скоро месяц, что Н[иколинька] умер. <...> Во время самых похорон пришла мне мысль написать матерьялистическое Евангелие, жизнь Христа-матерьялиста» (6, т. 48, 29–30). Цель работы заключалась в том, чтобы выразить «нравственное понятие жизни и учения Христа» (6, т. 65, 140). Главная мысль, которую надо было ему разрешить – вопрос о жизни и смерти.

Опираясь на греческие тексты и переводы Евангелия на современные европейские языки, Толстой переводит и толкует евангельские стихи в том смысле, как это представляется ему наиболее верным, разумным, отвечающим поставленным задачам: «Я оставляю, – писал он, – совершенно в стороне историческое значение и соединяю по смыслу только учение» (6, т. 24, 19). При этом автор делает акцент на нравственной стороне жизни и учения Христа. Отвергая ортодоксальную веру, полемизируя с каноническими Евангелиями, Толстой пытается её реформировать и найти нравственное руководство в жизни.

По Толстому жизнь Иисуса Христа закончилась на земле. Всё то, что было после его смерти – Воскресение, Вознесение, сошествие Святого Духа, для него не существует и отрицается в соответствии с концепцией «матерьялистического Евангелия». Он заканчивает пересказ евангельских текстов следующими словами: «Иисус пососал губку и сказал громким голосом: Кончено. Отец! в руки твои отдаю дух мой. И, склонив голову, предал дух» (6, т. 24, 789).

Для Толстого самым важным в учении Христа стал 39-й стих из V главы Евангелия от Матфея. Евангельский призыв «не противься злему» (Мф., V, 39), связанный с отрицанием кровной мести, Толстой положил в основание своей этики, а принцип непротивления злу насильем провозгласил как безусловное нравственное начало, как то, что выражает сущность христианской морали. Чистота, смирение, любовь – вот та аксиологическая триада, которая стала основой его художественного мира.

В 1880-х годах Толстой вслед за реформированием религии выдвигает перед искусством требования искренности и правдивости. Во главу угла он ставит этическую позицию, много размышляет над вопросами искусства, выдвигая к нему два основных требования. Во-первых, значимость этической координаты («что добро, что зло» (6, т. 64, 15)), во-вторых, изображение не реального, но идеального («что должно быть» (6, т. 64, 15)).

Характер изменения прозы писателя оказался во многом предопределён новыми коммуникативными установками, обусловленными сменой адресата, той новой читательской аудиторией, на которую переориентировался Толстой. Об этом свидетельствуют его письма от апреля 1887 года: «Как бы хотелось перевести всё на русский язык, чтобы Тит понял, – писал он жене. – И как тогда всё сокращается и уясняется. От общения с профессорами многословие, труднословие и неясность, от общенья с мужиками сжатость, красота языка и ясность» (6, т. 84, 25). «Ясно, сжато и содержательно» (6, т. 64, 41) – эти ориентиры направляют стилевые поиски писателя в сторону народнопоэтической речи, противопоставляя ей «многословие, труднословие и неясность» книжно-письменного стиля.

Наряду с этой тенденцией к перевоплощению в народного сказителя в Толстом по-прежнему было велико желание учить человечество. Иллюзия субъективного обладания истиной, знание открывшегося смысла жизни вознесли его на иные позиции по отношению ко всему миру, с которым писатель заговорил напрямую. Он осознал себя пророком. В трактатах «Так что же нам делать?» (1882–1886), «В чём моя вера?» (1882–1884) писатель обратился к людям от собственного имени. Он был одержим желанием беспристрастно, с беспощадной

строгостью неподкупного судьи оценить все явления современной жизни. По воспоминаниям И. Теннеро, художник Н. Н. Ге в 1886 году, посетив больного Толстого, не мог *«оторваться от мысли, что это лежит Моисей»*. По признанию художника, он *«и раньше чувствовал, что Л. Н. ближе к пророкам древности, чем к деятелям христианства»*. *«Главное, что я хотел сказать, – говорит Н. Н. Ге, – это то, что и в Льве Николаевиче мне нравится это величавое древнеиудейское настроение. Мне кажется, что у него и склад мысли, и сила слога, и характер учения, требующего прежде всего дела и исполнения правил, всё, всё удивительно иудаистично, потому что Христово христианство не так уже сурово приступает к горлу человека и не требует от него жертв и подвига»* (5, 13–15).

Самым важным произведением для Толстого в эти годы становится трактат «О жизни» (1886–1887). В нём он задумал победить зло онтологическое, без победы над которым человеческая жизнь утрачивала всякий смысл. Из первоначального названия – «О жизни и смерти» – последнее слово впоследствии было исключено автором. Важнейшая для Толстого проблема, которую он разрешал в трактате – проблема бессмертия человека. Вопрос о смысле жизни привёл его к необходимости преодолеть смерть и подчинить себе время. Исходя из «известного ему понятия жизни», Толстой общее направление её движения определяет как стремление от зла к благу. Для него очевидна несомненная истина, что *«живет всякий человек только для того, чтобы ему было хорошо, для своего блага»* (6, т. 26, 324). В то же время каждый час прожитой жизни приближает человека к смерти. Жизнь мыслится писателем как не перестающее приближение к смерти, к тому состоянию, в котором вместе с жизнью личности наверное уничтожится всякая возможность какого бы то ни было блага личности. В этом Толстой увидел основное противоречие человеческой жизни. Что есть жизнь? Что есть благо жизни? Что придает смысл земной жизни человека? – вот важнейшие вопросы, которые он ставит и разрешает в научном трактате.

По написанию трактата «О жизни» мучивший Толстого вопрос был решён, спасительный рецепт найден, выход указан: чувство, разрешающее все противоречия жизни человеческой и дающее благо, – любовь. При этом Толстой уточняет: любовь – не подобие любви – предпочтении себя другим, а истинная любовь – предпочтении других себе.

Написанию трактата «О жизни» предшествовала интенсивная работа Толстого над циклом народных рассказов (1884–1886 гг.). Эта работа воспринималась им как важнейшее дело. Знание смысла жизни потребовали от него не только прямого слова к людям от собственного имени в публицистических сочинениях, но и обращения к человечеству от имени народа, которое зазвучало в народных рассказах. В 1884 г. он писал В. Г. Черткову: *«Я увлекаюсь всё больше и больше мыслью издания книг для образования русских людей. Я избегаю слова для народа, потому что сущность мысли в том, чтобы не было деления народа и не народа»* (6, т. 85, 27). Перед писателем стояла задача не столько просвещения народа, сколько осмысления его философии жизни. Важна была не только ориентация на уровень сознания патриархального крестьянина, но и освоение его идеологии, равнозначной для Толстого религиозной этике, изложенной народным языком. В народных рассказах он реставрирует формы народной литературы – сказки, легенды, сказания. В них содержится реализация толстовской теории в практике художественного творчества. Условные жанры притчи, легенды, сказания не только понятны всем, но и «выпелись» из сердца народа, концентрировали его идеалы и нравственные понятия, выработанные вековой народной мудростью. Малый жанр, таким образом, оказался логически неизбежен для Толстого-романиста. Это был закономерный шаг писателя, теоретически провозгласившего «возрождение» литературы в народности и практически воплотившего его в произведениях 1870-х – 1890-х годов – от «Азбуки» до народных рассказов и пьес.

Реальное в рассказах – повод для разговора о вечном. По мнению С. С. Аверинцева «поздний Толстой» предпринял «попытку подчинить прозу законам притчи» (1, 305). Т. Л. Моты-

лёва также считает, что Толстой был «едва ли не первый, кто внёс в высокую литературу нашего века поэтику притчи» (4, 175–176). В народных рассказах подчинение прозы законам притчи проявляется в том, что реальное многообразие деталей и красок, свойственное романному творчеству Толстого, заменяется предельно лаконичными описаниями.

В каждом из произведений цикла Толстой доказывает важность тезиса, который ему ясен. В основе сюжетного движения запечатлена логика его раскрытия, а не изображение событий, сопутствующих этому процессу. Действующие лица предстают не как «объекты художественного наблюдения, но как субъекты этического выбора» (1, 305). Перед ними встают первые детские вопросы жизни: «Чем люди живы?» (6, т. 25, 7), «А для чего жить-то?» (6, т. 25, 36), «Как же в мире зло изводить?» (6, т. 25, 153), на которые должно найти ответ. Столь важные для Толстого умозрительные идеи любви, добра, терпения, всепрощения оказываются запечатлёнными в предельно обобщённых художественных образах, что позволяет говорить об эмблематичности народных рассказов. Свои теоретические рассуждения, содержащиеся в публицистике, Толстой переложил на общедоступный язык народного сказителя. Повествовательные интонации народных рассказов различны, но их объединяет то, что практически все они «звучат с голоса», что приводит к «опрощению» авторского языка и «ассимиляции литературного стиля его с семантикой крестьянской речи» (3, 121). Таким образом, народнопоэтическая традиция выступает как средоточие авторского идеала и определяет духовно-практическую стратегию творчества Толстого.

«Перестройка миросозерцания» писателя, происшедшая в 1880-х годах, поставила перед ним как актуальную проблему вопрос об отношении к собственному художественному творчеству. Сопоставляя «жизнь людей своего круга» и «жизнь простого трудового народа» (6, т. 23, 47), Толстой свои прежние художественные произведения оценил как искусственные и греховные. Размышляя о судьбе художника в эти годы, С. Н. Булгаков писал: «*Душа человека дороже целого мира и тем более дороже его художественного творчества, и, если действительно нужно принести это творчество в жертву для спасения души, пусть будет принесена эта жертва. <...> По-старому возвратиться к искусству при новых требованиях к себе, для Толстого означало бы падение, а вернуться к нему по-новому он не умел. Первобытная невинность потеряна, вместе с непорочностью наготы, которая теперь была бы бесстыдством*» (2, 248–249).

Духовный опыт Толстого 1880-х годов предопределил жанровые и стилевые изменения в литературной практике писателя. Он стремится передать универсальное мировоззрение, которое должно стать нормой жизненного поведения для человечества. На смену художественному вымыслу приходит философское осмысление мира в трактатах, «совершенная правда» реальной жизни и её аналитическая оценка становятся предметом пристального внимания писателя в публицистических работах. Возрастает интерес Толстого к жанрам, выработанным «в исторической дали человечества», поскольку притчи, сказки, легенды отражают мировоззрение народа и его идеальные представления о жизни. Творческая работа при этом должна иметь ясную практическую цель, которую Толстой с присущим ему упорством стремился достичь в произведениях, создаваемых в последующие годы. В этом ряду важное значение будут иметь повести 1880-х гг., написанные, по определению автора, в «старой манере». В них Толстой синтезирует новое знание жизни с художественным опытом прошлых лет.

Литература

1. Аверинцев С. С. Притча // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.
2. Булгаков С. Н. Тихие думы / сост., подгот. текста и коммент. В. В. Сапова. М., 1996.
3. Виноградов В. В. О языке Толстого (50–60-е годы) // Литературное наследство. Т. 35–36. М., 1939.
4. Мотылева Т. Л. Роман – свободная форма. М., 1982.
5. Тенеромо И. Воспоминания о Л. Н. Толстом и его письма. СПб., б/г.

6. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. (Юб.): в 90 т. М., 1928–1958. (Ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.)

7. См. об этом: Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. Т. 2. Религия Л. Толстого и Достоевского. СПб., 1903; Овсяннико-Куликовский Д. Н. Лев Николаевич Толстой. Очерк его художественной деятельности и оценка его религиозных и моральных идей. СПб., 1911; О религии Толстого. Сб. второй. М., 1912; Асмус В. Ф. Религиозно-философские трактаты Л. Н. Толстого // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 23; Асмус В. Ф. Мировоззрение Толстого // Избранные философские труды. Т. 1. М., 1969; Опунская Л. Д. Л. Н. Толстой. Материалы к биографии с 1886 по 1892 годы. М., 1979; Никитин В. «Богоискательство» и богоборчество Толстого // Прометей. Т. 12. М., 1980; Зеньковский В. В. История русской философии. Т. 1. Ч. 2. Л., 1991; Архиепископ Иоанн (Шаховской). Избранное. Петрозаводск, 1992; Концевич И. М. Истоки душевной катастрофы Л. Н. Толстого // Духовная трагедия Льва Толстого. М., 1995; Ореханов Г. П. Русская Православная Церковь и Лев Толстой: восприятие конфликта современниками. М., 2010.

8. См. сборник: Духовно-нравственные основы русской литературы. Материалы юбилейной конференции, посвящённой Н. Н. Скату. Кострома, 2011. С. 162–166.

УДК 821.161.1.09"18"

Е. Ю. Плахина

Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова
el-gouna-a@yandex.ru

Л. Н. ТОЛСТОЙ И ВОСТОК В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Творчество Л. Н. Толстого получило признание не только в европейских странах, но и в странах Востока, причем этот писатель является одним из самых популярных в арабском мире благодаря гуманистическому пафосу произведений и защите человеческого достоинства в его творчестве. В данной статье речь пойдет о рассмотрении в отечественном литературоведении специфики восприятия творчества Л. Н. Толстого в арабском мире.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой и Восток, рецепция художественного творчества, арабская литература, гуманистический пафос.

Ye. Yu. Plahina

Nekrasov Kostroma State University
el-gouna-a@yandex.ru

LEO TOLSTOY AND THE ORIENT IN RUSSIAN SCIENCE OF LITERATURE

Leo Tolstoy's creative work has gained recognition not only in the European countries, but in the countries of the Orient as well, at that this writer is one of the most popular in the Arab world thanks to humanistic pathos of works and protection of human dignity in his creative work. In this article, there will be an issue of the Arab world's Leo Tolstoy perception specifics consideration in the Russian literary criticism.

Keywords: Leo Tolstoy and Orient, artistic creative work reception, Arab literature, humanistic pathos.

В современном литературоведении одним из интересных направлений является рассмотрение влияния и взаимовлияния литератур, что связано прежде всего с глобализацией культурных взаимосвязей.

Творчество Л. Н. Толстого получило признание не только в европейских странах, но и в странах Востока, причем этот великий русский писатель является одним из самых популярных в арабском мире, благодаря гуманистическому пафосу произведений и защите человеческого достоинства. Таким образом, огромный интерес к Толстому во всем мире остается актуальным и на сегодняшний день.

Отнюдь не все писатели становятся признанными классиками уже при жизни и известны всему миру. Но имя графа Толстого уже к концу XIX века было известно не только в самой России, где он стал любимейшим автором, но и на Западе, но и на Востоке. Большую роль в этом сыграла его активная переписка с известными духовными лидерами восточного мира (индусом Махатмой Ганди, египтянином Мухаммедом Абдо и др.).

Толстой находил в культурах древних цивилизаций то, что и на данный момент так необходимо обществу, но совершенно обесценено европейской цивилизацией: интерес к ду-